Научная статья
УДК: 343.151.
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-90-95

ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ ИНСТИТУТА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Галина Сергеевна Русман

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), г. Челябинск, Россия
galina-rusman@ya.ru
https://orcid.org/0000-0001-7776-2538

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретических и практических проблем представительства иностранных граждан в российском уголовном судопроизводстве. На основе анализа норм УПК РФ, международных договоров (Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г., Конвенция СНГ 1993 г.) и правоприменительной практики автором выявлена ключевая проблема — фрагментарность правового регулирования и отсутствие специального процессуального статуса представителя иностранного участника.

Рассмотрены три основные формы представительства: договорное (на основе соглашения), законное (родители, опекуны) и консульское. Особое внимание уделено низкому качеству судебного перевода как системному фактору, дискредитирующему правосудие, в связи с чем предлагается введение государственного реестра переводчиков и квалификационных требований.

Автором предлагается расширить круг договорных представителей за счет включения в него дипломатов и иностранных адвокатов, одновременно установив для «иных лиц» требование о высшем юридическом образовании. Обосновывается необходимость принятия отдельной главы УПК РФ, регламентирующей особенности участия иностранцев, и внесения изменений в статьи 45, 59 и 96 УПК РФ.

Ключевые слова: представительство иностранных граждан, уголовный процесс, переводчик, консульский иммунитет, квалифицированная юридическая помощь, правовая неопределенность, реформа УПК РФ

Для цитирования: Русман Г. С. Правовая неопределённость института представительства иностранных граждан в уголовном процессе России: проблемы и пути решения // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 90–95. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-90-95

Research article

LEGAL UNCERTAINTY OF THE INSTITUTION OF REPRESENTATION OF FOREIGN CITIZENS IN THE CRIMINAL PROCESS OF RUSSIA: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Galina S. Rusman

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia
galina-rusman@ya.ru
https://orcid.org/0000-0001-7776-2538

Abstract. The article is devoted to the study of theoretical and practical problems of representation of foreign citizens in Russian criminal proceedings. Based on the analysis of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, international treaties (the Vienna Convention on Consular Relations of 1963, the CIS Convention of 1993) and law enforcement practice, the author identifies a key problem — the fragmentation of legal regulation and the absence of a special procedural status for the representative of a foreign participant. Three main forms of representation are considered: contractual (by agreement), legal (parents, guardians) and consular. Special attention is paid to the low quality of judicial translation as a systemic factor discrediting justice, in connection with which the introduction of a state register of translators and qualification requirements is proposed.

The author proposes to broaden the category of contractual representatives by including diplomats and foreign lawyers, while introducing a requirement of higher legal education for “other persons”. The article sub-

© Русман Г. С.

stantiates the need to adopt a separate chapter of the Russian Criminal Procedure Code governing the specifics of foreigners' participation and to amend Articles 45, 59 and 96 of the said Code.

Keywords: Representation of foreign citizens, criminal procedure, translator, consular immunity, qualified legal assistance, legal uncertainty, reform of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

For citation: Rusman GS. Legal Uncertainty of the Institution of Representation of Foreign Citizens in the Criminal Process of Russia: Problems and Solutions. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):90-95. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-90-95

Введение

Современная миграционная ситуация в Российской Федерации характеризуется устойчивым присутствием значительного числа иностранных граждан.

По данным МВД России, только в первом квартале 2025 года на миграционном учете состояло почти 2 млн иностранцев, а в аналогичный период 2026 года — более 9,8 млн. При этом иностранные граждане нередко становятся участниками уголовного судопроизводства — в качестве подозреваемых, обвиняемых, потерпевших или свидетелей. В первом полугодии 2026 года ими совершено 34,4 тыс. преступлений, а число потерпевших из их числа составило 16 тыс.[1]

Данная статистика лишь частично отражает реальную ситуацию, поскольку, как справедливо отмечает М. В. Зяблина, латентность преступлений с «иностранным элементом» в 1,7 раза превышает средние показатели [1, с. 156].

В этих условиях институт представительства иностранных граждан приобретает ключевое значение для реализации принципа равенства прав и свобод, закрепленного в ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ)[2]. Однако, несмотря на конституционную гарантию, уголовно-процессуальное законодательство России не содержит системного регулирования представительства иностранцев. Разрозненные положения, содержащиеся в статьях 45, 55, 59 и 96 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)[3], не образуют целостного правового механизма, что порождает серьезные проблемы правоприменения, нередко влекущие признание доказательств недопустимыми и отмену судебных решений.

Актуальность темы обусловлена также наличием международно-правовых обязательств Российской Федерации, в частности, по Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года, требующих от государства пребывания обеспечения эффективной консульской помощи и защиты прав задержанных иностранцев.

Цель настоящей статьи — выявить системные пробелы в правовом регулировании представительства иностранных граждан в российском уголовном процессе, проанализировать правоприменительную практику и предложить конкретные пути совершенствования законодательства.

Описание исследования

В теории уголовного процесса до сих пор отсутствует единство взглядов на правовую природу представительства иностранных граждан.

М. С. Строгович рассматривал защиту как разновидность процессуального представительства [2, с. 255], тогда как А. А. Леви, М. В. Игнатьева и Е. И. Капица предлагали вовсе заменить термин «представитель потерпевшего» на «защитник потерпевшего» [3, с. 84].

Представляется, что подобное смешение понятий «защита» и «представительство» методологически ошибочно, поскольку оно нивелирует различия в объеме полномочий (защитник подозреваемого имеет право собирать доказательства самостоятельно, тогда как представитель потерпевшего — нет) и в интересах представляемых лиц.

Е. К. Антонович, анализируя сербское законодательство, справедливо указывает, что в УПК Республики Сербия сторонами в уголовном судопроизводстве признаются только прокурор и подсудимый, а представители, законные представители и защитники относятся к иным участникам [4, с. 32].

Этот подход видится более строгим с точки зрения процессуальной экономии. Однако для российского судопроизводства, ориентированного на состязательность, более предпочтительной является модель, в которой представитель потерпевшего-иностранца обладает правами, практически равными правам самого потерпевшего (за исключением права давать показания вместо него). Это прямо вытекает из ч. 3 ст. 45 УПК РФ.

Важное историческое и теоретическое значение имеет разграничение форм оказания юридической помощи, предложенное П. В. Вдовцевым и А. В. Чарыковым. Они выделяют три исторические формы: правозаступничество (публичная речь в защиту — прообраз современного адвоката), юридическое консультирование (прообраз юрисконсульта) и процессуальное представительство (полное замещение лица в процессе) [5, с. 43–44].

[1] Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — март 2021 г. // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф (дата обращения: 12.06.2026).

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

© Русман Г. С.

Отметим, что в уголовном процессе России сегодня представлены все три формы, но применительно к иностранным гражданам они законодательно не дифференцированы. Стоит согласиться с авторами в том, что объединение их в одном понятии «защита» необоснованно. Представляется необходимым для иностранцев законодательно закрепить отдельный статус «представителя иностранного гражданина» (по аналогии с представителем юридического лица).

А. Н. Тепленко в своих работах обоснованно указывает на необходимость объединения разрозненных норм об участии иностранцев в отдельную главу УПК РФ, а также на расширение круга лиц, которые могут выступать представителями иностранных граждан: сотрудники дипломатических миссий, главы диаспор, иностранные адвокаты [6, с. 196].

В целом разделяя эту позицию, поскольку она позволяет учитывать реальные культурные и языковые барьеры, считаю, что допуск «иных лиц» (включая глав диаспор) должен сопровождаться обязательным подтверждением их минимальной правовой компетентности (например, справкой о прохождении курса по российскому уголовному праву) [7, с. 96].

Действующее правовое регулирование представительства иностранных граждан в УПК РФ (ст. 45, 55, 59, 96) носит отрывочный характер.

Отсутствует само понятие «представитель иностранного гражданина». В статье 45 УПК РФ говорится лишь о представителях потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя, а ст. 55 — о представителях гражданского ответчика. При этом процессуальный статус представителя иностранного свидетеля или иностранного подозреваемого (который не является адвокатом) вообще не урегулирован.

Сравнительный анализ с международно-правовыми актами выявляет серьезное отставание российского законодательства. Венская конвенция о консульских сношениях 1963 года (ст. 36) устанавливает императивное правило о незамедлительном уведомлении консульства задержанного иностранца, если он того потребует[4]. Однако в УПК РФ (ч. 3 ст. 96) лишь указано, что такое уведомление производится «не позднее 12 часов», но не прописан механизм реализации этого права, не определена ответственность следователя за его неразъяснение и не установлены правовые последствия нарушения.

Как справедливо отмечает Н. М. Зиновьева, информация об иммунитете запрашивается через МИД России, но сроки ее предоставления законом не установлены [8, с. 221]. Это приводит к волоките и параличу следственных действий в отношении дипломатов.

Кроме того, ни в УПК РФ, ни в Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[5] не содержится требования к квалификации переводчика, кроме «свободного владения языком» (ст. 59 УПК РФ).

На практике это позволяет привлекать к участию в деле лиц без специального образования и без проверки их компетентности.

М. М. Макаренко и Ю. А. Горлова приводят вопиющий пример, когда уголовное дело было возвращено прокурору, поскольку обвинительное заключение было переведено на узбекский язык, тогда как обвиняемый – гражданин Таджикистана — владел только таджикским [9, с. 39].

Следует отметить, что исследуемая тема сопряжена не только с теоретико-правовыми, но и с правоприменительными проблемами, требующими законодательного решения, а именно:

Проблема 1: Низкое качество судебного перевода. Анализ судебной практики показывает, что ошибки перевода являются наиболее частым основанием для возвращения уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ. Так, Останкинский районный суд г. Москвы постановлением от 10 июля 2019 г. возвратил прокурору уголовное дело в отношении гражданина Таджикистана А., поскольку в ходе расследования родным для него был признан таджикский язык, однако обвинение, его допрос и текст обвинительного заключения были переведены на узбекский язык, которым А. не владеет[6]. Аналогичная ситуация имела место в Бутырском районном суде г. Москвы 23 мая 2019 г., где перевод обвинительного заключения на армянский язык не соответствовал оригиналу, что существенно нарушило право на защиту[7].

Для решения указанной проблемы представляется обоснованным дополнить ст. 59 УПК РФ ч. 1.1 следующего содержания: «Переводчиком может быть лицо, имеющее документ о высшем или среднем профессиональном образовании в области лингвистики или переводоведения либо прошедшее аттестацию в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, подтверждающую владение языком, знание которого необходимо для перевода, а также знание юридической терминологии». Параллельно следует создать государственный реестр переводчиков при Минюсте России, аналогичный реестру дисквалифицированных лиц.

Проблема 2: Неопределенность статуса договорного представителя. Статья 45 УПК РФ допускает в качестве представителя потерпевшего –иностранца не только адвоката, но и «иных лиц», включая близких родственников. Однако не установлено, вправе ли такие лица знакомиться с материалами дела, снимать копии

[4] Венская конвенция о консульских сношениях (заключена в г. Вене 24.04.1963) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 18. Ст. 221.

[5] Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Российская газета. № 140.31. июля.

[6] Постановление Останкинского районного суда г. Москвы от 10 июля 2019 г. о возвращении уголовного дела по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ прокурору // Архив Останкинского районного суда г. Москвы.

[7] Постановление Бутырского районного суда г. Москвы от 23 мая 2019 г. о возвращении уголовного дела № 1-2392019 прокурору // Архив Бутырского районного суда г. Москвы.

© Русман Г. С.

и заявлять ходатайства от имени представляемого. Судебная практика по данному вопросу противоречива.

В Определении Конституционного Суда РФ № 279-О от 15 июля 2004 г. указано, что норма ч. 1 ст. 45 УПК РФ не исключает участие лица, не являющегося адвокатом, в качестве представителя потерпевшего[8]. Однако при этом Конституционный Суд РФ не определил объем полномочий такого лица.

Между тем, М. А. Карпушов обоснованно предлагает исключить из перечня договорных представителей близких родственников, не имеющих юридического образования, оставив лишь адвокатов и иных лиц с высшим юридическим образованием [10, с. 45].

В данной ситуации обоснованным видится внесение изменения в ч. 1 ст. 45 УПК РФ: «В качестве представителей потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя — иностранных граждан могут быть допущены:

1) адвокаты;

2) иные лица, имеющие высшее юридическое образование или ученую степень в области юриспруденции, о допуске которых ходатайствует представляемое лицо;

3) сотрудники дипломатических представительств или консульских учреждений государства, гражданином которого является представляемый, при условии предъявления документов, подтверждающих их полномочия».

Это предложение согласуется с идеями А. Н. Тепленко о расширении круга представителей [6, с. 196] и с общей тенденцией профессионализации представительства в процессуальном праве[9].

Проблема 3: Низкая эффективность консульской помощи. На практике следователи не всегда разъясняют задержанному иностранцу его право на связь с консульством, а МИД России нередко предоставляет информацию об иммунитете несвоевременно.

П. А. Литвишко отмечает, что в запросе о наличии иммунитета целесообразно формулировать просьбу об отказе от него, но эта процедура законодательно не урегулирована [11, с. 15].

Кроме того, УПК РФ не предусматривает обязанности следователя направлять в консульство уведомление о возбуждении дела или о привлечении иностранца в качестве обвиняемого (если мера пресечения не связана с лишением свободы).

В качестве предложения по регулированию сложившихся правоотношений предлагается дополнить статью 96 УПК РФ положением о том, что: «уведомление консульства должно быть направлено независимо от наличия просьбы иностранца, если он является гражданином государства, с которым у России имеется консульская конвенция» (по аналогии со ст. 36 Венской конвенции). Кроме того, оправданным видится установить в статье 453 УПК РФ десятидневный срок для предоставления МИД России информации об иммунитете, а также ввести в УПК РФ новую ст. 96.1 «Обязанность следователя уведомить консульство о принятии процессуальных решений в отношении иностранного гражданина».

Совершенно очевидным видится факт недостаточного правового регулирования представительства иностранных граждан в уголовном процессе России, что безусловно заставляет нас обратиться к опыту зарубежных стран, в целях поиска передовых нормативных инструментов и возможностей устранения существующих пробелов в праве.

Так, например, опыт Республики Сербия, проанализированный Е. К. Антонович, показывает, что там представителем потерпевшего может быть только адвокат (ст. 56 УПК РС), а законный представитель — только для несовершеннолетних или недееспособных [4, с. 34]. Такой подход исключает появление в деле неквалифицированных «иных лиц». Однако он видится слишком суровым, поскольку доступ к адвокату для иностранцев, выступающих в качестве потерпевших, свидетелей, не всегда финансово возможен.

Более сбалансированной представляется модель ФРГ, где § 142 УПК Германии предусматривает обязательное привлечение переводчика при невладении языком, а § 68b — право свидетеля на адвоката за счет государства в случае угрозы[10].

Полагаю, что российскому законодателю следует воспринять именно эту гарантию для иностранных потерпевших и свидетелей, дополнив статью 51 УПК РФ случаями обязательного участия переводчика и защитника (представителя) для данной категории лиц.

Кроме того, передовым является опыт использования видеоконференцсвязи для допроса иностранцев, находящихся за рубежом, как это предусмотрено Конвенцией Европейского союза о взаимной правовой помощи по уголовным делам 2000 года (Российская Федерация в данной Конвенции не участвует, однако ее положения могут иметь значение для сравнительно-правового анализа или при рассмотрении дел с участием граждан государств-членов Европейского союза)[11].

[8] Определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2004 г. № 279-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бугаенко А. А. на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 398 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 45 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и рядом ведомственных актов» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63724/ (дата обращения: 12.06.2026).

[9] См.: Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7524, установивший обязательное высшее юридическое образование для представителей в гражданском процессе.

[10] Strafprozessordnung (StPO): [федеральный закон ФРГ: принят 01.02.1877, с изм. от 01.06.2026] // Bundesministerium der Justiz: сайт. — URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/ (дата обращения: 12.06.2026).

[11] Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам между государствами-членами Европейского союза [2000]: [принята 29.05.2000, вступила в силу 23.08.2005] // EUR-Lex: [сайт]. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/ EN/TXT /?uri =CELEX:42000A0712(01) (дата обращения: 12.06.2026).

© Русман Г. С.

Ю. В. Козубенко предлагает проводить такие допросы в помещениях дипломатических представительств РФ [12, с. 224]. Эта идея заслуживает поддержки и нормативного закрепления в отдельной статье УПК РФ (например, ст. 189.1 «Допрос с использованием систем видеоконференц-связи иностранного гражданина, находящегося за пределами территории РФ»).

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о неудовлетворительном состоянии правового регулирования представительства иностранных граждан в российском уголовном процессе. Основные системные проблемы таковы:

1. Фрагментарность норм (отсутствие единой главы, регулирующей статус иностранца).

2. Правовая неопределенность статуса договорного представителя (круг лиц, их полномочия, требования к образованию).

3. Низкое качество перевода как следствие отсутствия квалификационных требований к переводчику и реестра последних.

4. Бюрократические барьеры в получении консульской помощи и информации об иммунитете.

Эффективность представительства иностранных граждан в настоящее время является низкой, о чем свидетельствуют многочисленные возвращения уголовных дел прокурорам именно из-за нарушений прав иностранцев на перевод и защиту.

Для кардинального улучшения ситуации предлагаются следующие конкретные пути решения, сформулированные в виде законодательных инициатив:

1. Принять новую главу 53.1 УПК РФ «Особенности производства по уголовным делам с участием иностранных граждан и лиц без гражданства», включив в нее:

— перечень специальных прав (на консульскую помощь, на переводчика с момента задержания);

— порядок взаимодействия с МИД России (с установлением 10-дневного срока ответа);

— правила допуска представителя (изложив ч. 1 ст. 45 УПК РФ в новой редакции);

— требования к переводчику и порядок его аттестации.

2. Внести изменения в ст. 45 и 55 УПК РФ, закрепив, что «иные лица» (не адвокаты) могут быть представителями иностранца только при наличии высшего юридического образования, а сотрудники дипломатических представительств — при предъявлении документов о полномочиях.

3. Создать единый государственный реестр переводчиков для уголовного судопроизводства с обязательной сертификацией и проверкой знания юридической терминологии.

4. Дополнить ст. 96 УПК РФ обязанностью следователя уведомлять консульство о любых значимых процессуальных решениях (задержание, предъявление обвинения, избрание меры пресечения), а не только о задержании.

5. Легализовать допрос иностранных граждан в режиме видеоконференцсвязи через дипломатические представительства РФ за рубежом (новая ст. 189.1 УПК РФ).

Реализация этих предложений позволит не только повысить эффективность представительства иностранных граждан, но и укрепить международный авторитет российской юстиции, а также снизить число судебных ошибок, связанных с нарушением прав иностранных участников процесса.

Список источников

1. Зяблина М. В. Реализация принципа языка уголовного судопроизводства // Lex russica. 2016. № 11. С. 155–161. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.120.11.155-161

2. Строгович М. С. Избранные труды: в 3 т. Т. 2: Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. Москва, 1992. 277 с.

3. Леви А. А., Игнатьева М. В., Капица Е. И. Особенности предварительного расследования преступлений, осуществляемого с участием адвоката. Москва, 2003. 124 с.

4. Антонович Е. К. Институт представительства в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Республики Сербия: сравнительно-правовой анализ законодательства и перспективы развития // Адвокатская практика. 2025. № 3. С. 31–36. DOI: 10.18572/1999-4826-2025-3-31-36

5. Вдовцев П. В., Чарыков А. В. Формы юридической помощи: исторический аспект // Адвокатская практика. 2024. № 2. С. 41–46. DOI: 10.18572/1999-4826-2024-2-41-46

6. Тепленко А. Н. Особенности представительства иностранных граждан при расследовании преступлений с участием иностранных лиц // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России. 2023. С. 192–197.

7. Тепленко А. Н. Особенности правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства, влияющие на расследование уголовных дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 2(56). С. 90–100.

8. Зиновьева, Н. М. Об иммунитетах иностранных граждан при применении мер процессуального принуждения // Общество и право. 2008. № 3(21). С. 220–223.

9. Макаренко М. М., Горлова Ю. А. Допрос иностранных граждан: уголовно-процессуальные и психологические аспекты // Миграционное право. 2020. № 1. С. 37–40. DOI: 10.18572/2071-1182-2020-1-37-40

© Русман Г. С.

10. Карпушов М. А. О проблеме оказания квалифицированной и иной юридической помощи представителями по соглашению в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2020. № 1. С. 41–45.

11. Литвишко П. А. Некоторые вопросы международного сотрудничества органов предварительного следствия // Международное уголовное право и международная юстиция. 2011. № 4. С. 13–18.

12. Козубенко Ю. В. О возможности допроса в режиме видео-конференц-связи потерпевших-граждан иностранных государств, находящихся за рубежом // Российский юридический журнал. 2011. № 4(79). С. 222–225.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Русман Галина Сергеевна

Доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы, Южно-Уральский государственный университет (НИУ) (г. Челябинск, Россия).
E-mail: galina-rusman@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina S. Rusman

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Process, Criminalistics and Judicial Examination, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia).
E-mail: galina-rusman@ya.ru.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 23.08.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 03.09.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 07.09.2026.

© Русман Г. С.